

На правах рукописи

Долева Ольга Андреевна

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Специальность 5.1.4 Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2026

Диссертация выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»

Научный руководитель: **Тимошенко Юлия Александровна**
доктор юридических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Бриллиантов Александр Владимирович**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Российский государственный
университет правосудия имени
В.М. Лебедева», кафедра уголовного права,
заведующий

Репецкая Анна Леонидовна
доктор юридических наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Байкальский государственный
университет», Институт правовых
исследований, отдел криминологических
исследований, заведующий

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Саратовская государственная
юридическая академия»

Защита состоится «30» сентября 2026 г. в 12 час. 00 мин.
на заседании диссертационного совета 76.2.001.01 при Университете
прокуратуры Российской Федерации по адресу: 123022, г. Москва, ул. 2-я
Звенигородская, д. 15, актовый зал.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке
Университета прокуратуры Российской Федерации по адресу: 123022,
г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15.

Автореферат разослан «___» июля 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук

И.В. Чащина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В теории уголовного права вопросы ответственности за преступления, совершенные в соучастии, обоснованно являются непростыми и дискуссионными. Исследование института соучастия, безусловно, охватывает решение задач, связанных с уголовно-правовой характеристикой и проблемами квалификации действий организатора как соучастника преступления и организации преступления как самостоятельного преступного деяния. Указанное создает сложную предметную область, которая включает комплекс доктринальных и нормативных положений, связанных между собой множеством иных норм уголовного права.

С одной стороны, нормативное воплощение в отечественном уголовном праве дифференциации ответственности за преступления, совершенные в соучастии, в том числе за действия, направленные на организацию преступления, имеет давнюю традицию и восходит к правовым актам XVII столетия (впервые отражено в Соборном Уложении 1649 года). С другой стороны, до настоящего времени ведется диспут как о содержании самого понятия «организатор преступления», так и о правилах квалификации действий организатора преступления, установлении правил конструирования самостоятельных составов об ответственности за организацию преступления. Актуальна проблематика пределов уголовной ответственности и индивидуализации наказания в соотношении с принципами акцессорности и самостоятельной ответственности соучастников. Несмотря на значимость указанных проблем, в науке российского уголовного права они не нашли достаточно полного отражения. Важными остаются вопросы, сформулированные современной практической деятельностью по противодействию преступности: о признаках организатора как соучастника преступления, об основаниях и пределах уголовной ответственности организатора преступления, о социально-юридических предпосылках конструирования самостоятельных уголовно-правовых норм об

ответственности за организационную деятельность, об уголовно-правовой характеристике и проблемах квалификации организации преступления как самостоятельного преступного деяния.

При кажущемся постоянстве института соучастия в преступлении он претерпел значительные изменения в своем содержании. В настоящее время очевидно смещение паритета его акцессорных и самостоятельных начал, характеризующееся предметным сужением области применения норм Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) о соучастии в преступлении, в том числе и норм, регламентирующих действия такого соучастника, как организатор преступления. Институт соучастия стал практически неприменим к ряду преступлений террористического и экстремистского характера, что, безусловно, свидетельствует о снижении качества законодательного регулирования уголовной ответственности за организацию преступления. Указанное предполагает возвращение к исследованию базисных положений уголовно-правовой доктрины, ее фундаментальных основ, их соотношение с текущими интересами теории и практики и, наконец, разработку правил конструирования самостоятельных норм об ответственности за организацию преступления.

Необходимость в научном осмыслении и прикладном разрешении обозначенных вопросов детерминирована как крайне высокой степенью общественной опасности действий по организации преступления, так и динамикой уголовного законодательства, трансформацией правовых позиций высшей судебной инстанции по отдельным аспектам квалификации соучастия в преступлении.

В этой связи исследование проблем уголовной ответственности за организацию преступления представляется насущной задачей современной отечественной юридической науки и обуславливает актуальность проведения настоящего исследования.

Степень научной разработанности темы исследования.
Проблематика уголовно-правовой оценки действий организатора

преступления, пределов уголовной ответственности за организацию преступления разрабатывалась, как правило, в составе общей теоретической конструкции института соучастия. Исследованию упомянутых вопросов посвящено значительное количество научных трудов.

Вопросы уголовной ответственности за организацию преступления затрагивались в контексте исследования исторических тенденций развития уголовного права (А.А. Арямов, А.М. Богдановский, Э.В. Георгиевский, П.П. Епифанов, Г.А. Есаков, А.А. Рожнов, Н.Д. Сергеевский, М.Н. Тихомиров, Г.С. Фельдштейн, М.Д. Шаргородский и др.), теории соучастия в преступлении, а также уголовной ответственности за организационную преступную деятельность (П.В. Агапов, А.А. Арутюнов, С.А. Балеев, Д.А. Безбородов, Ф.Г. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, П.И. Гришаев, Э.А. Золаев, В.В. Качалов, Ю.А. Клименко, М.И. Ковалев, А.П. Козлов, Г.Е. Колоколов, Г.А. Кригер, В.В. Малиновский, К.В. Ображиев, А.В. Покаместов, А.К. Субачев, П.Ф. Тельнов, А.Н. Трайнин, А.М. Царегородцев, А.Я. Эстрин, П.С. Яни и др.); аспектов учения о составе преступления (А.В. Иванчин, В.Н. Кудрявцев, А.В. Наумов, А.И. Ситникова, Н.С. Таганцев и др.); особенностей уголовной политики и вопросов ее реализации (М.М. Бабаев, Я.И. Гишинский, Н.А. Лопашенко, А.В. Павлинов, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкин, А.Л. Репецкая, Ю.А. Тимошенко, Д.А. Керимов, Н.Ф. Кузнецова и др.); критериев общественной опасности, причинной связи и наказания (А.В. Бриллиантов, И.И. Карпец, Н.И. Пикуров, Л.М. Прокументов, А.И. Рарог и др.).

Имеющиеся в настоящее время разработки весьма значимы, вместе с тем по объективным причинам они в полной мере не учитывают как динамику уголовного законодательства, так и изменения правовых позиций высшей судебной инстанции по вопросам квалификации соучастия в преступлении.

Признавая внесение поименованными авторами значительного вклада в исследование вопросов, связанных с соучастием в преступлении, правилами

квалификации действий по организации преступного деяния, необходимо отметить, что далеко не все существующие проблемы получили полное разрешение. Неоспоримо важным является установление правил квалификации действий организатора как соучастника преступления, а также оснований и критериев конструирования самостоятельных составов об ответственности за организацию преступления. Обозначенные вопросы требуют тщательного исследования в связи с возросшим влиянием правоконкретизирующей деятельности Верховного Суда Российской Федерации, приведшей к изменению первоначально отраженного в УК РФ 1996 года паритета теорий акцессорной и самостоятельной ответственности, без внесения поправок в уголовный закон.

Указанные обстоятельства подтверждают актуальность выбранной темы и определяют характерные направления настоящего исследования.

Объектом диссертационного исследования являются уголовно-правовые отношения, возникающие в связи с совершением лицом действий по организации преступления, руководством исполнением преступления, созданием организованной группы или преступного сообщества, а также руководством ими.

Предмет диссертационного исследования: криминальная деятельность, связанная с организацией преступления, закономерности, противоречия и тенденции развития уголовной ответственности за организацию преступления; уголовно-правовые признаки организатора как соучастника преступления, основания и пределы его ответственности; организация преступления как самостоятельный вид преступления, правила конструирования уголовно-правовых норм об ответственности за организационную деятельность; проблемы квалификации организации преступления.

Цель и задачи диссертационного исследования. Цель диссертационного исследования заключается в разработке теоретической

основы установления, дифференциации и реализации уголовной ответственности за организацию преступления.

Достижение **цели** исследования детерминировано разрешением следующих **задач**:

- проследить в ретроспективе становление и развитие национального уголовного законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за организацию преступления (организацию как самостоятельное преступление и организацию как соучастие в преступлении);

- выявить специфику законодательного изложения норм в уголовном законодательстве зарубежных стран об установлении ответственности за организацию преступления;

- оценить нормы международного права во взаимосвязи с положениями национального законодательства с целью определения в международном праве тенденций закрепления ответственности за совершение преступлений в соучастии и степень их восприимчивости в отечественном уголовном законодательстве;

- дать авторское определение понятия «организатор преступления»;

- установить совокупность критериев конструирования самостоятельных составов преступлений, предусматривающих ответственность за организационные действия;

- систематизировать путем группировки положения уголовного закона о самостоятельной ответственности за совершение действий по организации преступления, которая может быть использована для обеспечения четкости и системности изложения уголовно-правовых предписаний;

- разработать ряд возможных направлений совершенствования нормативного регулирования и правоприменительной практики уголовной ответственности за организационную преступную деятельность.

Методологическая основа исследования базируется на совокупности общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, классификация) и частно-научных методов (историко-правовой, сравнительно-правовой,

формально-юридический, социологический методы, метод периодизации, группировки, правовое моделирование, правовое прогнозирование, анкетирование, интервьюирование), применяемых в области уголовно-правовых исследований; философских и специально-юридических средств и способов познания, обуславливающих историзм, компаративность и объективность в исследовании вопросов о квалификации действий организатора преступления как вида соучастника преступления и организации преступления как самостоятельного преступного деяния, пределов уголовной ответственности за организацию преступления в соотношении с акцессорной теорией соучастия и теорией самостоятельной ответственности соучастников.

Общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) применены при исследовании уголовно-правовой природы и признаков организатора преступления как соучастника в соотношении с акцессорной теорией соучастия и теорией самостоятельной ответственности соучастников, выявлении проблем квалификации.

Применение историко-правового и сравнительно-правового методов способствовало выявлению исторических тенденций становления и развития в отечественном законодательстве уголовной ответственности за организацию преступления, уяснению влияния уголовного законодательства зарубежных стран и норм международного уголовного права на формирование положений отечественного законодательства об уголовной ответственности за организацию преступления, выявлению социально-юридических предпосылок конструирования самостоятельных уголовно-правовых норм об ответственности за организационную деятельность. Метод группировки, периодизации, правовое моделирование, правовое прогнозирование, анкетирование, интервьюирование, формально-юридический метод использованы при исследовании генезиса понятия «организатор преступления», установлении оснований и пределов уголовной ответственности за организацию преступления.

Нормативной основой диссертационного исследования явились: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, нормы международного права, в том числе положения международных конвенций, Уставов Международных трибуналов, иные нормативные правовые акты, в том числе источники отечественного и зарубежного уголовного права разных исторических периодов.

Теоретическую основу диссертации составили научные труды отечественных и зарубежных ученых в области уголовного права, в том числе основные положения доктрины, относящиеся к предмету исследования, истории уголовного права и уголовно-правовой компаративистике, уголовно-правового учения о соучастии в преступлении, а также уголовной политики, криминологии и филологии.

Эмпирическая база исследования представлена данными, полученными в процессе изучения решений Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации; материалами судебной практики судов общей юрисдикции, военных судов (295 судебных решений по результатам рассмотрения уголовных дел, вынесенных апелляционными и кассационными судами общей юрисдикции, судами республик Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Крым, Мордовия, Хакасия, Пермского, Приморского, Ставропольского краев, Архангельской, Владимирской, Волгоградской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Кировской, Ленинградской, Московской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Смоленской, Тверской, Тюменской, Челябинской, Ярославской областей, Ханты-Мансийского автономного округа, городов Москвы и Санкт-Петербурга, в период 2005–2025 гг.); результатами статистического учета данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации (2015–2025 гг.).

В работе отражены данные проведенного нами в 2024–2025 годах анкетирования 297 респондентов из числа прокурорских работников, участвующих в рассмотрении уголовных дел судами, обеспечивающих надзор за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное расследование, следователей Следственного комитета Российской Федерации и органов внутренних дел Российской Федерации, адвокатов, представляющих законные интересы участников уголовного процесса, а также результаты интервьюирования 15 филологов-лингвистов. При подготовке исследования использован личный опыт изучения материалов уголовных дел, полученный в период прохождения службы в органах Следственного комитета Российской Федерации и прокуратуры Российской Федерации.

Научная новизна диссертационного исследования заключается:

- в разработке авторской периодизации развития двух подходов к регламентации оснований уголовной ответственности за организацию преступления (организации как самостоятельного преступления и организации как соучастия в преступлении);
- в определении специфики законодательного изложения норм в уголовном законодательстве зарубежных стран об установлении ответственности за организацию преступления;
- в выявлении тенденций закрепления в нормах международного права ответственности за совершение преступлений в соучастии и степени их восприимчивости в отечественном уголовном законодательстве;
- в предложении и обосновании авторского определения понятия «организатор преступления»;
- в установлении совокупности критериев конструирования самостоятельных составов преступлений, предусматривающих ответственность за организационные действия;
- в систематизации путем группировки положений уголовного закона о самостоятельной ответственности за совершение действий по организации

преступления, которая может быть использована для обеспечения четкости и системности изложения уголовно-правовых предписаний;

- в разработке возможных направлений дальнейшего совершенствования нормативного регулирования и правоприменительной практики уголовной ответственности за организационную преступную деятельность.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сформулирована авторская периодизация развития двух подходов к регламентации оснований уголовной ответственности за организацию преступления:

- первоначально, с 1649 года, в Соборном уложении уголовная ответственность за организацию преступления устанавливалась и дифференцировалась лишь применительно к преступлениям отдельных видов;

- формирование и юридическое обособление в XIX веке «сквозного» института соучастия в преступлении, распространяющегося на все умышленные преступления, не привело к отказу от традиционных уголовно-правовых норм об ответственности за организацию преступлений отдельных видов; дальнейшее развитие уголовного законодательства в части установления ответственности за организацию преступления заключается в поиске баланса между двумя моделями ее криминализации, сопровождающегося резкими «кренами» то в сторону самостоятельной ответственности, то в сторону ее акцессорных начал;

- современный этап развития уголовного законодательства отмечен выраженной тенденцией к увеличению корпуса норм об ответственности за организацию преступлений отдельных видов, что обусловлено объективными (узость юридических рамок соучастия в преступлении) и субъективными (содержание современной уголовно-правовой политики) факторами. При этом насыщение Особенной части УК РФ подобными нормами осуществляется бессистемно, с нарушением правил законодательной техники.

2. Определена специфика законодательного изложения норм в уголовном законодательстве зарубежных стран об установлении ответственности за организацию преступления, которая заключается в следующем:

- отсутствие четкого обособления организации и исполнения преступления в рамках института соучастия как на понятийном уровне (термин «организатор преступления» в законодательстве большинства стран не используется), так и на уровне правил уголовно-правовой оценки. Вследствие этого организационные действия, как правило, признаются исполнением преступления. Теоретическим обоснованием для такой квалификации служат: а) доктрина «интеллектуального господства над преступлением» (Германия, Франция); б) доктрина главных и дополнительных (акцессорных) соучастников (Великобритания, США); в) синтез светского права, основанного на конвергенции с европейской правовой традицией (в большей степени континентального права), и мусульманского права, выраженного в неразрывной связи с религией;

- дифференциация уголовной ответственности за организацию преступлений отдельных видов (как правило, посягающих на общественные и государственные интересы) в рамках Особенной части уголовного закона.

3. Установлены тенденции закрепления в нормах международного права ответственности за совершение преступлений в соучастии:

- в нормах международного права об уголовной ответственности за совершение преступлений в соучастии есть тенденция к конкретизации видов соучастников;

- нормы уголовного права, содержащиеся в международно-правовых документах, предполагают в большинстве случаев четырех- либо пятиэлементное деление (организатор, руководитель, исполнитель, пособник, подстрекатель);

- направленные на криминализацию наиболее опасных форм проявления организационных действий, представляющих угрозу мировому

правопорядку в целом, нормы международного уголовного права предусматривают уголовную ответственность за организацию преступлений отдельных видов (как правило, посягающих на общественные и государственные интересы).

4. Сформулировано следующее авторское определение понятия «организатор преступления»: это лицо, организовавшее совершение преступления и (или) руководившее его исполнением посредством осуществления действий по постановке цели, разработке плана преступных действий для ее достижения, подысканию и вовлечению (подбору) соучастников, распределению функциональных обязанностей (ролей) между ними, обеспечению материально-технической и (или) финансовой базы, необходимых для совершения преступления, организации сокрытия орудий и следов преступления, ценностей, добытых преступным путем, осуществлению функции управления соучастниками (координации действий соучастников, в том числе посредством отдачи приказов, указаний), выполнению иных активных действий по объединению усилий других соучастников и направлению их совместной преступной деятельности в стадии подготовки и (или) совершения преступления (покушения на исполнение).

5. В целях недопущения возникновения избыточного законодательного регулирования предложена совокупность критериев конструирования самостоятельных норм об ответственности за организацию преступления:

- наличие высокой общественной опасности действий по организации преступления, требующей смещения юридического окончания преступления на момент совершения таких действий;

- отсутствие в преступном деянии обязательных для классического соучастия критериев, таких как выполнение (начало выполнения) исполнителем объективной стороны преступления, наличие единого умысла, субъективной связи;

- отсутствие в УК РФ норм, устанавливающих ответственность за аналогичные действия, которые могли бы быть квалифицированы по статье Особенной части УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ.

6. Для обеспечения четкости и системности изложения уголовно-правовых предписаний, устанавливающих ответственность за организацию преступления как самостоятельного преступного деяния, автором предложена следующая группировка норм: а) общие положения уголовного закона о нерезультативных организаторских действиях; б) положения Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за организацию преступлений отдельных видов; в) положения Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за организацию преступной деятельности; г) положения Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за организацию преступных групп, организаций, сообществ; д) положения Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за организацию действий, являющихся непроступными до их организации, но признаваемых противоправными, аморальными или опасными.

7. В целях применения единообразного подхода к конструированию положений Особенной части УК РФ сформулированы направления совершенствования нормативного регулирования и правоприменительной практики:

- внедрение единого терминологического оборота для описания организационных действий: оптимальными и равнозначными (в зависимости от существования уголовно-правового запрета) представляются термины «организация (деятельности)», «организация (деяния)», «организация (преступных групп, организаций, сообществ)»;

- включение в качестве криминообразующего признака составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за организацию преступных групп, организаций, сообществ, цели осуществления преступной деятельности;

- дифференциация ответственности в зависимости от тяжести наступивших последствий по всем составам преступлений, предусматривающих ответственность за организацию преступных групп, организаций, сообществ, а также за организацию действий, являющихся непроступными до их организации, но признаваемых противоправными, аморальными или опасными.

Теоретическая значимость результатов исследования. В исследовании конкретизируются положения об уголовно-правовой природе организации преступления как вида соучастия; исследуются основания и пределы криминализации действий организатора преступления в качестве самостоятельного преступления; выносятся предложения по решению актуальных вопросов квалификации действий по организации преступления. Сформулированные в диссертации положения и выводы об эволюции уголовно-правовой природы и признаках организации преступления как института соучастия, о социально-юридических предпосылках конструирования самостоятельных уголовно-правовых норм об ответственности за организационную деятельность углубляют и расширяют содержание разделов науки об истории уголовного права, системе уголовного права, понятии организатора преступления и соучастии в целом.

Практическое значение результатов исследования заключается в разработке предложений о перспективных направлениях совершенствования норм, устанавливающих ответственность для лиц за совершение действий по организации преступления, в возможности использования материалов настоящего исследования в образовательной деятельности по подготовке студентов по направлениям «Юриспруденция», «Судебная и прокурорская деятельность», а также в системе обучения и повышения квалификации сотрудников прокурорских и следственных органов, судей.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации отражены в 11 научных публикациях, в том числе в 8 статьях в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных

журналов, включенных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Сформулированные концептуальные выводы докладывались, в том числе, на X Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и правоприменительная практика» (27.10.2023), межвузовском круглом столе «Групповая преступная деятельность: вопросы уголовно-правовой оценки» (14.11.2023), заседании X круглого стола «Квалификация преступлений: общие и частные проблемы» (16.02.2024), Международной научно-практической конференции «Геноцид: вызовы современности» (28–29.03.2024), Международной сетевой научно-практической конференции «Возраст в праве» (15.04.2024), I Международном научно-практическом форуме «Право цифровой безопасности» (24–25.04.2024), Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова и приуроченной к 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию со дня образования Академии ФСИН России (24–25.05.2024), III Международной научно-практической конференции «Уголовная политика: вчера, сегодня, завтра» (30.10.2024), XXV Международной научно-практической конференции Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и XXVI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (26–27.11.2024), заседании XI круглого стола «Квалификация преступлений: общие и частные проблемы» (28.02.2025).

Степень достоверности результатов диссертационного исследования обусловлена применением соответствующих поставленным задачам апробированных методов научного познания, обеспечивающих всесторонность и объективность исследования, соблюдением

методологических требований теории уголовного права, а также репрезентативностью эмпирической базы, положенной в основу исследования.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка литературы, а также приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, степень ее научной разработанности, определены объект, предмет, цели и задачи исследования, приведены методологические, нормативно-правовые и эмпирические основы состоявшегося исследования, раскрыта его научная новизна, теоретическая и практическая ценность, сформулированы положения, выносимые на защиту, приведены сведения о достоверности и апробации полученных результатов, а также отражена структура работы.

Глава I диссертации **«Организатор преступления: историко-правовое и компаративное исследование»** состоит из трех параграфов.

В параграфе 1.1 **«Становление и развитие отечественного законодательства об организаторе преступления»** отмечено, что в отечественном уголовном праве развитие института соучастия, как и осознание необходимости разграничения ответственности в зависимости от степени вины соучастников послужило основанием для нормативного воплощения (впервые отражено в Соборном Уложении 1649 года) дифференциации ответственности за преступления, совершенные в соучастии.

Вместе с тем в XVIII–XIX вв. с учетом приверженности законодателя к континентальному праву сохранялась тенденция отнесения организаторских действий к действиям исполнителя преступления. Относительно применяемых подходов к регламентации ответственности организатора преступления в частности и института соучастия в целом до начала XIX в. соучастие регламентировалось исключительно в привязке к

преступлениям определенного вида, как правило, наиболее опасным. В этот период времени институт соучастия был представлен в усеченном виде, поскольку разрозненные предписания о соучастниках, относимые к разным уголовно-правовым запретам, между собой не связаны ни терминологически, ни функционально. Потребность в «сквозной», унифицированной регламентации соучастия в преступлении безотносительно к видам преступлений на законодательном уровне осознана лишь в XIX веке. На данном этапе возникают все признаки института соучастия. Однако наряду с этим сохраняются предписания о соучастии в отдельных преступлениях. Нормативное определение такого соучастника, как «организатор преступления», в отечественном уголовном праве находит отражение в законодательстве с 1832 года.

В советском уголовном праве и уголовно-правовой доктрине (до 1958 года) понятие «организатор преступления», а также характеризующие его деятельность признаки отсутствовали. Такое положение дел являлось большим упущением законодателя, тем более что в Особенной части отдельно оговаривается повышенная ответственность организаторов и руководителей преступлений. Характерной особенностью советского периода явилось смещение законодателем акцента с общей регламентации соучастия на регулирование ответственности за конкретные виды преступлений посредством криминализации отдельных видов организаторских действий в статьях Особенной части уголовного закона. Окончательное разграничение связанных с соучастием понятий «организатор» и «исполнитель» преступления произошло в советский исторический период (1958 год), определяющий организатора самостоятельным соучастником, объем ответственности которого зависел не только от совершенного исполнителем деяния, но и от характера и степени личного участия в совершении преступления.

Дальнейшее развитие институт соучастия с окончательно утвердившимися видами соучастников, в том числе таким его видом как

«организатор преступления», получил в XX веке в связи с принятием Государственной Думой 24 мая 1996 г. и вступлением в силу 1 января 1997 г. ныне действующего УК РФ. В представленном в ч. 3 ст. 33 УК РФ виде положения об организаторе преступления неизменны до настоящего времени.

В параграфе 1.2 **«Зарубежный опыт нормативной регламентации уголовной ответственности организатора преступления»** отмечается общая тенденция отражения роли организатора преступления в законодательстве зарубежных стран. Так, при отсутствии юридически закрепленного в уголовном законе понятия «исполнитель преступления» допускается признание организатора преступления его исполнителем. И, наоборот, в случаях законодательного закрепления понятия «исполнитель преступления» признание организатора исполнителем невозможно. Само определение такого вида соучастника, как организатор преступления, встречается в уголовном законодательстве далеко не всех зарубежных стран.

К особенностям уголовного законодательства романо-германской системы права следует отнести отсутствие правового закрепления в Уголовном уложении ФРГ, УК Франции как понятия «соучастия», так и его отдельного вида – «организатора преступления». Уголовно-правовая доктрина идет по пути признания организатора преступления иным соучастником (в основном исполнителем (соисполнителем)), имеющим господствующее положение при совершении преступного деяния, и, соответственно, подлежащим ответственности в силу акцессорной природы соучастия, как исполнитель преступления. Ответственность непосредственно за организацию преступления предусмотрена в случаях, обозначенных в уголовном законе (как правило, речь идет о составах преступлений (указанных в Особенных частях УК), представляющих, по мнению законодателя, наибольшую опасность для общества и государства.

В системе общего права институту соучастия свойствен принцип самостоятельности при одновременном сохранении и акцессорных начал. В

английском уголовном праве институту соучастия присуще деление соучастников на главных (исполнитель) и иных соучастников (дополнительных, акцессорных). На законодательном уровне идентификация соучастников производится посредством конструирования правовых норм через определение конкретных действий соучастников. Понятие «организатор преступления» в уголовном праве отсутствует, а ответственность за организацию преступления представляется в единстве с его исполнением: ответственность за организаторские действия реализуется посредством привлечения к ответственности за исполнение конкретных противоправных деяний, указанных в законе.

Противоречивые тенденции развития мусульманского права, представляющего собой синтез светского права, основанного на конвергенции с европейской правовой традицией (в большей степени континентального права), и мусульманского права, выраженного в неразрывной связи с религией, оказывали и оказывают влияние на формирование положений мусульманского уголовного права. Законодатели ряда мусульманских стран (но далеко не всех стран) включают в УК понятие организатора преступления и устанавливают ответственность именно для данного вида соучастника (Сирия, Ливан). Ряд других стран (Ирак, Иордания и многие другие) идут по пути признания организатора преступления исполнителем (соисполнителем) преступления, фигурой, общественная опасность которой неоспоримо высока, что, как следствие, признается отягчающим вину обстоятельством и влечет более строгую уголовную ответственность.

В параграфе 1.3 **«Организатор преступления в международном праве»** отмечается, что международное право, как и национальное, строится на принципах неотвратимости наказания, а соучастие в преступлении согласно положениям международного права, как и в отечественном законодательстве, характеризуется совместностью его совершения, общностью цели и умышленностью действий соучастников. При этом

пределы криминализации (в том числе акцессорность или самостоятельная ответственность организатора преступления) в большинстве случаев относятся к усмотрению национального законодателя, за исключением наиболее опасных форм проявления организационных действий, представляющих угрозу мировому правопорядку в целом.

В нормах международного права, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений в соучастии, отмечается тенденция к конкретизации видов соучастников, предполагающей в большинстве случаев четырех- либо пятиэлементное деление (организатор, руководитель, исполнитель, пособник, подстрекатель).

Глава II диссертации **«Организатор как соучастник преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации»** состоит из двух параграфов.

В параграфе 2.1 **«Понятие и признаки организатора как соучастника преступления»** автором уточнены и дополнены теоретические представления о понятии и признаках организатора как соучастника преступления. Отмечаются следующие признаки, присущие такому виду соучастника, как организатор преступления: организация совершения преступления, т.е. объединение усилий других лиц в стадии исполнения преступления (покушения на исполнение) и руководство исполнением преступления, т.е. направление их деятельности на обеспечение выполнения исполнителем объективной стороны преступления.

В целях удовлетворения потребностей доктрины и практики представлено определение понятия «организатор преступления». Вывод о его уместности основывается как на глубоком исследовании генезиса самого понятия и признаков организатора преступления, так и на данных опроса экспертов в области как уголовного права, так и филологии. Так, 100% экспертов-филологов подтвердили логичность, объективность и уместность определение понятия «организатор преступления» в представленном в законе виде (в части определения понятия через определяемое слово), в силу

особенностей официально-делового стиля юридического текста и специфических стилевых требований.

Результаты анкетирования специалистов в области уголовного права показали, что 64,9% экспертов-практиков в области уголовного права констатируют потребность в закреплении на законодательном уровне (в ч. 3 ст. 33 УК РФ) перечня организаторских действий. При этом 48,7% из них выступили за закрепление в ч. 3 ст. 33 УК РФ открытого перечня организаторских действий, а 16,2% - закрытого.

Кроме того, 6,1% из числа опрошенных респондентов выразили мнение, что требуется принципиально другая формулировка ч. 3 ст. 33 УК РФ, а 26,9% - полагают оптимальной действующую конструкцию ч. 3 ст. 33 УК РФ. Кроме того, 2,1% специалистов придерживаются позиции о том, что необходима коррекция правовой неопределенности, имеющей место в ч. 3 ст. 33 УК РФ, посредством дачи соответствующих разъяснений Верховным Судом РФ.

Доктрина при этом демонстрирует неудовлетворенность самим определением понятия «организатор преступления». В результате проведенного исследования сформулировано авторское определение понятия «организатор преступления».

В параграфе 2.2 **«Основания и пределы уголовной ответственности организатора преступления»** подчеркивается, что в отечественном уголовном законодательстве нормативная регламентация ответственности за организацию преступления основывается на объединении положений акцессорной теории соучастия и теории самостоятельной ответственности соучастников, что находит выражение, прежде всего, в правилах квалификации действий организатора.

Отмечается, что конкретизированность умысла организатора обуславливается его активными действиями, направленными на постановку цели, разработку плана преступных действий для ее достижения, подбор соучастников, распределение ролей между ними, осуществление функции

управления соучастниками, обеспечение материально-технической и (или) финансовой базы, необходимой для совершения преступления, выполнение иных активных действий по организации совершения преступления и (или) руководству им, совершение иных действий по объединению усилий других соучастников и направлению их совместной преступной деятельности в стадии подготовки и (или) непосредственного осуществления преступления, а также отношение к тем последствиям, которые наступили в результате его осуществления.

Представлен алгоритм уголовно-правовой оценки действий по организации преступления, представляющий собой ряд последовательных шагов, направленных на решение вопроса квалификации деяния такого вида соучастника, как организатор преступления. Указанное поможет оптимизировать временные и интеллектуальные трудозатраты специалиста в области уголовного права, дающего юридическую оценку такому деянию. Кроме того позволит исключить риск квалификационных ошибок, в том числе разрешить вопрос об эксцессе исполнителя, отграничении организаторства от: посредственного исполнения и соисполнительства, от иных видов соучастия, от соучастия *sui generis* (особого рода) или квалификации по правилам идеальной совокупности с такими преступлениями.

Глава III диссертации **«Уголовная ответственность за организационную деятельность в статьях Особенной части УК РФ»** состоит из двух параграфов.

В параграфе 3.1 **«Социально-юридические предпосылки конструирования самостоятельных уголовно-правовых норм об ответственности за организационную деятельность»** отмечается, что влияние норм об ответственности за соучастие *sui generis* (особого рода) на традиционный институт соучастия выражено в приоритете предписаний Особенной части УК РФ по отношению к положениям гл. 7 УК РФ. Такой подход ограничивает сферу действия института соучастия, оставляя за его

рамками соучастие в отдельных видах преступлений и свидетельствует о продолжении сужения акцессорных начал института соучастия. Законодатель, криминализируя действия по организации отдельных видов преступлений, подчеркивает повышенную общественную опасность таких действий и, как следствие, устанавливает самостоятельную уголовную ответственность за их совершение вне связи с выполнением исполнителем объективной стороны преступления.

Динамичность общественных, политических, экономических процессов, появление новых технологий в различных сферах жизни человека обуславливают возникновение новых составов преступлений, ранее не существовавших, что выступает социально-юридическим фактором конструирования отдельных уголовно-правовых норм об ответственности за организационную деятельность в Особенной части УК РФ.

Потребность в специальной норме, предусматривающей ответственность за соучастие *sui generis* (особого рода), может быть обусловлена рядом причин: высокой общественной опасностью действий по организации преступления, требующей смещения юридического окончания преступления на момент совершения таких действий; отсутствием в преступном деянии обязательных для классического соучастия критериев, таких как выполнение (начало выполнения) исполнителем объективной стороны преступления, наличием единого умысла и субъективной связи; отсутствием в УК РФ норм, устанавливающих ответственность за аналогичные действия, которые могли бы быть квалифицированы по статье Особенной части УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ.

В параграфе 3.2 **«Организация преступления как самостоятельное преступное деяние: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации»** исследована уголовно-правовая природа самостоятельных преступных организационных действий. Учитывая приверженность российского законодателя хоть и к прогрессирующей на практике, но, тем не менее, законодательно ограниченной акцессорности, отмечено, что

недостаточность положений об уголовной ответственности за деятельность по организации преступлений восполняется путем создания самостоятельных составов в Особенной части УК РФ – соучастие особого рода (*sui generis*).

Основания криминализации объединены автором в две группы: возникшие в связи с необходимостью восполнения объективно существующих вследствие наличия акцессорности пробелов и возникшие в связи с криминализацией специальных по отношению к организаторским действиям (отраженным в статьях Общей части УК РФ) деяний (случаи организации отдельных видов преступной или иной деятельности в статьях Особенной части УК РФ).

Также предложена авторская группировка положений УК РФ, компенсирующих ограниченную акцессорность организационных действий, которая позволила сформулировать ряд возможных направлений совершенствования нормативного регулирования и правоприменительной практики.

В **заключении** сформулированы основные выводы и результаты, подводящие итог проведенного исследования.

В **приложениях** представлены таблицы сравнительного исследования, материалы, отражающие результаты анкетирования, проекты федерального закона и постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах автора:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Долева, О.А. Развитие нормативной конструкции об организаторе преступления в отечественном законодательстве с X по первую половину XIX века/ О.А. Долева // Юрид. наука.– 2023. – № 7. – С. 247–251.

2. Долева, О.А. Развитие нормативной конструкции об организаторе преступления по отечественному уголовному праву во второй половине XIX века – начале XX века / О.А. Долева // Вопр. росс. и междунар. права. – 2024. – № 2. – С. 522–528.

3. Долева, О.А. К вопросу о признаках организатора как соучастника преступления / О.А. Долева // Вестн. Владимир. юрид. ин-та». – 2024. – № 3 (72). – С. 24–30.

4. Долева, О.А. Развитие уголовного законодательства об организаторе преступления в Советский период / О.А. Долева // Законы России. – 2024. – № 6. – С. 99–102.

5. Долева, О.А. Использование информационно-телекоммуникационных технологий и искусственного интеллекта при организации преступления: степень общественной опасности организатора преступления / О.А. Долева // Право и управление. – 2025. – № 3. – С. 193–196.

6. Долева, О.А. Ответственность организатора преступления при недостижении исполнителем возраста уголовной ответственности / О.А. Долева // Евраз. юрид. журн. – 2025. – № 4 (203). – С. 376–378.

7. Долева, О.А. Понятие и признаки организатора преступления / О.А. Долева // Соврем. наука: актуал. проблемы теории и практики. Сер. «Экономика и право». – 2025. – № 5. – С. 116–119.

8. Долева, О.А. Организация преступления как самостоятельное преступное деяние: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации / О.А. Долева // Соврем. ученый. – 2025. – № 12. – С. 408–414.

Публикации в иных научных изданиях:

1. Долева, О.А. Организация преступления в международном праве: особенности регламентации / О.А. Долева // Актуал. проблемы юриспруденции: сб. ст. по материалам LXVI междунар. науч.-практ. конф. – 2023. – № 1(65). – С. 37–43.

2. Долева, О.А. Нюрнбергский трибунал. К вопросу об уголовно-правовой оценке отдачи и исполнения незаконного приказа / О.А. Долева // материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Геноцид: вызовы современности» (Москва, 28–29 марта 2024 г.). – М.: Москов. акад. Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, – 2024. – С. 39–44.

3. Долева О.А. Уголовная ответственность за организацию преступления в Общей и Особенной частях УК РФ: современное состояние и перспективы / О.А. Долева // Сборник материалов круглого стола «Квалификация преступлений: общие и частные проблемы» (Москва, 28 февраля 2025 г.) – М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, – 2025. – С. 61–66.